

Дунаевский И.О.

10.07.98

НОСТАЛЬГИЯ

15

Р ИСКНУ назвать самым ярким эмоциональным переживанием советской эпохи музыкальное чудо работы И.О. Дунаевского, человека, умевшего зажигать звезды.

Меня всегда волновал вопрос: где проходила граница божественного и земного в сердце этого удивительного человека и что оставалось после творческого подъема в бесплотном пространстве его души?

Мне, прохожему с пыльной улицы москвичу, не дает покоя одна нравственная теорема, что если мы докопемся до этой истины, то поймем, как рождается наша вера, наша радость и гордость за нашу великую Родину.

По существу, это поход к истокам стойкости и предполагает он разрешить гипотетическую задачу: способен ли человек устоять в нечеловеческих условиях борьбы за достойное, я подчеркиваю, достойное существование или нет...

Я понимаю, что невозможно так же ясно сформулировать ответ, как поставить вопрос, но жизнь, которая была и которую есть потребность вспоминать, способна подтолкнуть к его осознанию. Жизнь — великая немая — разговаривает руками, и жесты, которыми она рассекает воздух, легки, ажурны и поспетельны. Вот на это последнее слово я и возлагаю свою последнюю надежду.

Фома неверующий предостерегал Господа, идущего по водам: не ходи, Господи, еще утонешь!.. В многодетной семье Дунаевских, состоявшей из пяти братьев и сестры, одна мама, Розалия Исаковна, верила в Бога. Исаак Осипович божественное видел, и претворял свое ви-

Юрий. ПОЛЕНОВ-КОРШАК

УМЕВШИЙ ЗАЖИГАТЬ ЗВЕЗДЫ

Лит. Россия — 1998 — 10 июля — с. 15

дение, в самом человеке. Он напоминал мне порывистого Спасителя из пленительной картины Луиса Бунюэля «Млечный путь», в сцене, где он со своими учениками спорит шагает босыми ногами по траве и летящей походкой переступает через ров...

Исторический период, на который я хочу обратить ваше внимание, совпадает с календарным временем сегодняшнего дня, только протекал он 57 лет назад. Это май — июль 1941 года. На дворе было так же жарко и ничто не предвещало урагана.

Композитор в это время жил в Ленинграде, во всяком случае он пытался там жить. А работал в Москве художественным руководителем ансамбля песни и пляски Центрального дома культуры железнодорожников. «Вот такой рассеянный» с улицы Дзержинского, бывшей Гороховой, где томился порой в напрасном ожидании его скромная четырехкомнатная квартира с женой Зинаидой Сергеевной, сыном Геней и домработницей Олей, о которой у нас еще будет повод вспомнить отдельно.

Это географическое недоразумение, выразившееся в изнурительных мотаниях меж двух столиц, длилось третий год, с того самого дня, как нарком путей сообщения Лазарь Каганович предложил ему заступить на музыкальный железнодорожный пост N 1.

И Дунаевский не мог на него не заступить, и совсем не по той шкурной причине, по которой вы, может быть, подумали. Более того, еще до него, до поступления означенного предложения, до 1938 года, он поклонялся ему словами А.Чуркина в своей песне «Физкультурная»:

*Клянемся тебе мы,
Родной Каганович,
Что будем везде и всегда
Готовиться к бою
И без перебора
Водить по стране поезды.*

И вот тут мы подходим к тому, что сейчас просто непонятно: к понятию коллективной чести.

То, чему Дунаевский посвятил свою жизнь, было больше, чем работа. Это было служение Родине, партии, народу. Все эти слова писались через запятую и ни одно из них нельзя было изъять из оборота, не лишив смысла другое.

«Не корысти ради, а токмо поспавши волею мя жены!..» — эти беспомощные причитания отца Федора из «Двенадцати стульев» приобрели в данном контексте иной, жертвенный смысл, где женой выступала Родина.

«И сердце Сталина стучит у нас в груди», — заканчивалась его «Физкультурная» песня... Сердце стучало, душа пела, а любовь разливалась и все это были разные юридические лица в одном, свистящем как пуля, слове «Союз».

*Поднимем за здравную чашу
За дружное наше житье,
За славную родину нашу...*

Откуда брались эти ликующие звуки слов Василия Ивановича Лебедева-Кумача и пронизанные солнечными лучами музыки Дунаевского из их «Застольной песни» в гнусной (как теперь выяснилось) советской резервации, где шаг вправо и влево грозил отстрелом?.. Их просто не могло существовать по определению, этих звуков. Но они прокрались туда тайными тропами, природе вопреки...

*Вьется дымка золотая, придорожная!..
Ой ты, радость молодая, невозможная!..*

Что это за народ такой был? Его, как кронштадтского матроса с камнем на шее, подталкивают штыками к обрыву, а он поет:

*В море чайку догоняем мы далекую,
В небе тучу пробиваем мы высокую!..*

Приходится с прискорбием признать, что невозможная радость жизни в заклеянной выше резервации была все-таки возможна и вещественным доказательством этой невозможной жизни являл себя миру маленький лысый человечек с большим музыкальным именем Исаак Осипович Дунаевский. Музыка, которую он высек из своего сердца, была близка температуре солнца, а образом ее была дорога к счастью... И вот в мае 1941 года, когда ему уже мерещились звуки «Здравствуй, дорога, а милая прощай!..»

17 мая из Москвы, собираясь в дорогу в Ленинград, Дунаевский пишет письмо начальнику ансамбля Н.П. Щетинину, в котором заступает за художника Эрбштейна, не получившего от него денег по договору. «Перед Вами прежде всего стоит мастер — профессионал своего дела, который с этого живет, — пишет Дунаевский. — ...Вам придется следовать за моим стилем отношения, которое, как Вы знаете, всегда выдержано и никогда не оскорбляет людей.»

25 мая он уже пишет пространное письмо из Ленинграда председателю комитета по делам искусств при Совнарком М.Б. Храпченко, в котором, не корысти ради, выгораживает перед партией композиторов на прошедшем ленинградском пленуме Оргкомитета Союза композиторов...

«...Уехал 25 мая 1941 года из Ленинграда в поездку на юг с железнодорожным ансамблем, я так и не попал больше в Ленинград. Война застала меня в пути на станции Ясиноватая. Наш поезд прорвался в Москву к 26 июня...» По этому письменному воспоминанию Дунаевского и пролегла в его жизни граница между миром и войной.

Осталась щемящая запись в дорожных записках артиста хора ансамбля С.К. Пятикрестовского о тех полных трагизма мгновениях сразу после вести о войне:

«Весть, услышанная нами в Ясиноватой, раздалась как гром среди ясного неба, ошеломила и оглушила...»

— Что-то будет? — думалось всем. Нас повезли в Днепрпетровск. Уже пути начали заполняться воинскими эшелонами. Оружие и бойцы. Неясные первые сведения с фронта вносили тревогу, глущую томительную тревогу в сердце.

В Днепрпетровске провели ночь на шумных по-новому вокзальных путях, а наутро посеревший от тревог и хлопот Щетинин добыл «нитку» на Москву.

Печален был наш путь домой. Исчезли смех и шутки. Когда стемнело, велели затемнить вагоны... Наш темный состав мчался в Москву, а навстречу попадались сверкающие огнями поезда...

По записям Дунаевского 50-го года можно ощутить глухую боль, травму, нанесенную ему «некоторыми людьми» и ставшую следствием этих трагических мгновений:

«Некоторые люди... напустили туман вокруг моего отъезда из Ленинграда, исказив не только факты, но и придав им двусмысленное толкование... Вы же понима-

ете, что 25 мая 1941 года я не был осведомлен о предстоящей войне, а уехал в поездку с железнодорожным ансамблем...»

К этому, сколько ни привыкай, никогда не привыкнешь. Как писал еще Джек Лондон о своем старом Новом Свете: «Гниль завелась в штате Айдахо...» И Дунаевский читал про такие вещи в подлиннике, с хорошим английским произношением выхватывая «на вкус» отдельные слова, и тогда мысли его уносились к людям, которых он любил в той самой Москве, куда ехал в 41-м, на Гоголевский бульвар в дом 12 на квартиру 10, где жила его мать.

Квартира была коммунальная, и дверь, случалось, открывала хорошенькая девочка Лора, жившая через стенку с его мамой. После войны девочка поступила в ИНЯЗ и он, приходя к маме, разбирал с ней английские тексты в учебниках и читал лежащего на столе Шекспира, а потом садился за старенькое немецкое пианино и начинал импровизировать... Лора Борисовна Дунаевская стала потом женой его брата, Семена Осиповича...

Но тогда, в 41-м, в Москве поселился призрак смерти. Мы их разобьем — не сегодня, так завтра. У нас такая мощная армия, у нас такие смелые люди, такая вера «и сердце Сталина стучит у нас в груди»...

Зинаида Сергеевна и Женя, расставшись в Ленинграде с мужем и отцом, отправились в конце мая в дачный поселок Внуково под Москву открывать дачный сезон.

С этой же целью туда съезжались обыкновенные звезды советского искусства, которых зрители-астрономы узнавали по одному имени (от силы по двум): Орлова и Александров, Ильинский и Утесов, Лебедев-Кумач, Гусев, Сурков. Бек-Назаров, Тамара Церетели...

Председателем этого кооперативного Олимпа небожителей они выдвинули самого зажигательного из своих рядов — находящегося всегда в процессе окончания «3-го акта» Дунаевского... Там ленинградцы на букву «Д» и приходили в чувства, долго не имея в Москве другой крыши над головой. В непогоду им приходилось жить даже на четвертом этаже Центрального дома культуры железнодорожников. Там, на внуковской даче, Дунаевские и узнали страшную весть.

Это был самый короткий, мирный дачный сезон в их жизни. И они отправились сначала в «близкую эвакуацию» — в Пенкино, к Семену Осиповичу, где он находился со своим ансамблем детей железнодорожников, а потом, к холодам, в «дальнюю эвакуацию» — в Новосибирск.

Война, сорвав своим ураганом с людей все одежды маскировки, в упор поставила перед человеком свой первый и последний вопрос о цене жизни, физической и духовной. И вот тут время вспомнить об оставленной в ленинградской квартире Дунаевских домработнице Оле... девушке бережливой, но не сентиментальной.

В войну и блокаду, с тщанием сберегая домашний очаг — мебель красного дерева, посуду, чашки редкой работы, — она топила его библиотекой и нотами, на деле проверяя непонятный уму постулат — горят ли рукописи?..

Рукописи, как ни странно, горели, как горели и жизни... Михаил Бугаков в письме Дунаевскому 30 января 1939 года (в день его рождения) интуитивно прописал связь горения и тлена:

«На днях во время бессонницы было мне видение. А именно: появился Петр I и многозначительно сказал:

— Время подобно железу горящему, которое ежели остынет...»

*Суровое время, горячее время
Пришло для отчизны родной.
Вставай, подымайся, советское племя...*

Это была первая песня, «На врага, за Родину — вперед!», написанная Дунаевским по прибытии во фронтную Москву.

В первые дни войны все советское в человеке верило в скорую победу. Но уже через день правительством был создан Совет по эвакуации. Тринадцатилетняя Лора ходила по поручению от школы, в районе Кропоткинской и Музея изобразительных искусств имени Пушкина, по домам учеников и их родителей с рекомендательным оповещением, что если у кого есть куда уехать на эти дни, то Совет по эвакуации советует это сделать.

Когда люди начали покидать свои дома, как грибы после дождя полезли из земли дети тлена — мародеры, и началось воровство. После первых летних бомбежек народ хлынул на вокзалы.

Моя бабушка, Мария Федоровна, похоронив в 34-м году своего мужа Василия Ивановича Поленова, в 41-м была повенчана с жившим на Бутырской улице уважаемым всеми мастером дядей Федей. В одну из первых летних бомбежек он был убит осколками бомбы, взявшись за ручку двери своего дома, с бидоном молока в руках...

Тогда, в летней московской тишине, в солнечном мареве жары, прозвучал тот самый зловещий голос войны, который лишил этого человека не только жизни, но и песни Дунаевского, которую он сочинил на колесах поезда возле Читы весной 42-го — «Моя Москва». Лишил песни, а в тот миг, может, и веры, что «врагу никогда не добиться, чтоб склонилась твоя голова...»

Странно, что Дунаевскому нужно было уехать так далеко от Москвы, чтобы зажечь в ней звезду веры, любви, нежности и бережного отношения к жизни... А может быть, только так, ценой преодоления пространства, и передается жизненная энергия, и ценой страдания и утрат и зажигаются звезды?

Фото из архива Ю.Е. БИРЮКОВА (публикуется впервые).